

Кукла

Автор:

Эд Макбейн

Кукла

Эд Макбейн

87-й полицейский участок #20

Эд Макбейн стал первым американцем, получившим награду «Бриллиантовый кинжал Картье» от Ассоциации детективных писателей Великобритании.

«Кукла» – это история красивой жизни и ужасной смерти известной фотомодели...

Эд Макбейн

Кукла

Ed McBain

Doll

© 1965 by Hui Corporation

© Вуль Н. А., перевод на русский язык, 2021

© ООО «Феникс», издание на русском языке, оформление, 2021

Девочка по имени Энни сидела на полу у самой стены. Она играла с куклой, разговаривала с ней, одновременно прислушиваясь к звукам, доносившимся из-за тонкой стены. Там находилась мамина спальня. И там ругались – громко, остервенело. Энни пыталась отвлечься от этих голосов, отогнать сжимающий сердечко страх, и потому девочка сосредоточила все свое внимание на кукле. Мужчина в маминой спальне сорвался на крик. Энни старалась не вслушиваться в то, что он орал. Девочка поднесла куклу к своему личику, поцеловала в пластмассовую щеку и продолжила с ней разговор, невольно прислушиваясь к голосам из соседней комнаты.

Там, за стенкой, в этот самый момент убивали ее мать.

Ее мать называли Тинкой – от этого прозвища веяло лоском роскошной жизни. Оно получилось в результате слияния двух имен, данных ей при рождении, – Тины и Карин. Вообще-то Тинка, по всеобщему признанию, считалась красивой женщиной. Ее красоту не испортило бы даже ужасное имя вроде Берты или Брунгильды. Ну а прозвище Тинка лишь усиливало ее привлекательность, будто бы прибавляя ей шарма, создавая флер загадочности и некий авантюрный налет.

Тинка Сакс работала манекенщицей на показах мод.

Да, вне всякого сомнения, она была очень красивой женщиной. Точеное, словно высеченное из мрамора лицо идеально подходило для женщины ее профессии: широкий лоб, выступающие скулы, чувственный рот, благородный нос, чуть раскосые зеленые глаза с искорками янтаря – да, Тинка воистину являлась обладательницей лица древнегреческой богини. Фигура у нее тоже была модельной: гибкое стройное тело, изящные формы, длинные ноги, узкие бедра и аккуратненькая маленькая грудь. Ходила она как на подиуме – корпус идеально прямой, походка от бедра, взгляд устремлен вперед. Даже в маленькой гостиной у себя дома она присаживалась с профессиональной небрежностью модели, в любой момент готовой к фотосессии. Тинка располагалась так, чтобы стена за ее спиной или диван, на который она садилась, наилучшим образом могли подчеркнуть красоту ее наряда, или золотой отлив ее волос, или же очарование зеленых глаз с янтарными искорками. Да, обычно от ее красоты было глаз не

оторвать.

Однако сейчас ее вряд ли можно было назвать красавицей.

В ней было трудно разглядеть красавицу, по-скольку мужчина, осыпая ее ругательствами, метался за ней по комнате, гоняя от стены к стене. Наконец он оттеснил ее в узкий проход, зажав между роскошной двуспальной кроватью и туалетным столиком с мраморной столешницей. Мужчина не обращал внимания на рыдания и мольбы Тинки. В руках он сжимал кухонный нож, которым последние три минуты полосовал красавицу.

Поток ругательств, лившийся из уст мужчины, не ослабевал ни на секунду, как и гнев, что овладел им. И то и другое оставались неизменными. Нож раз за разом описывал сверкающую дугу. Казалось, он жил своей жизнью и совершенно не зависел от обилия сквернословий, произносимых мужчиной. Ругательства и нож, словно сообщники, вершащие одно и то же злодеяние, идеальным образом дополняли друг друга. Брызги слюны, срывавшиеся с губ, мешались со струйками крови. Тинка, чувствуя, как лезвие снова и снова испаривает ее плоть, умоляла своего мучителя остановиться. Она повторяла и повторяла его имя, пытаясь прекратить этот кошмар. Но мужчина не знал пощады. Бесконечно сыплющиеся ругательства, безудержно сверкающий блеск острого как бритва лезвия – все это загнало истекающую кровью Тинку в дальний угол спальни, где красавица задела головой висевший на стене подлинник Шагала. Еще один жуткий взмах ножом, еще одна резаная рана на миниатюрных грудках, идущая параллельно тем, что уже имеются. Лезвие скользит вниз, оставляя кровавый росчерк на плоском животе, с треском распаривает шелковый пеньюар. Чем ближе мучитель, тем глубже становятся новые раны. Тинка вновь произнесла имя мужчины, она прокричала его. Потом красавица тихо прошептала: «Умоляю» и прислонилась к стене, сбив картину Шагала. Заключенное в раму полотно сорвалось с крючка и, пролетев мимо золотистых волос, жутких ран на горле и груди, изрезанного, пропитанного кровью синего пеньюара, каштановых лобковых волос, грохнулось на пол у ног Тинки, на которых синели атласные тапочки. Задышавшись, кашляя кровью, красавица упала ничком, налетев лбом на широкую дубовую раму картины. Ее русые локоны окутали буйство красок Шагала будто бы золотистой дымкой. Еще один удар ножом в горло – и картину залил поток крови. Теперь золотистые волосы плавали в ней словно в луже. Через некоторое время кровь перелилась через край рамы и хлынула на ковер.

Энни тихо сидела за стенкой, судорожно вцепившись в куклу.

Девочка прошептала на ухо своей игрушке что-то ободряющее и тут же с ужасом застыла, услышав, как дверь спальни отворилась, а из коридора донеслись шаги. Она сидела, затаив дыхание, пока не хлопнула входная дверь в квартиру.

Энни так и сидела в спальне, вцепившись в куклу, до самого утра. Именно в такой позе ее обнаружил управдом, явившийся поменять прокладку в кране, на который накануне жаловалась миссис Сакс.

* * *

Апрель – это четвертый по счету месяц в году.

Об этом крайне важно помнить, особенно если вы полицейский. В противном случае может получиться небольшая путаница.

Причинами этой путаницы являются отчасти усталость, отчасти скука и монотонность работы, а отчасти – чувство отвращения к происходящему. Усталость – всегда с тобой, она твой вечный спутник, к которому за годы службы в полиции удается привыкнуть. Ты прекрасно знаешь, что департамент полиции не признает ни суббот с воскресеньями, ни официальных праздников. Ты морально готов заступить на дежурство даже в рождественское утро – ведь какой-нибудь сорвиголова может учудить нечто эдакое даже в праздничный день. За примерами далеко ходить не надо – достаточно вспомнить генерала Джорджа Вашингтона, утершего нос ничего не подозревавшим пьяным гессенским наемникам. Ты прекрасно знаешь, что детективы работают по скользящему графику и потому приспособились вставать с постели ни свет ни заря. Ты привык недосыпать. Однако тебя никогда не оставляет постоянное чувство усталости. А что делать? Преступников много, полицейских мало и времени вечно не хватает. А когда случается выходной, ты не можешь полноценно посвятить его жене и детям, потому что вымотан до предела. Господи, ну что ж это за жизнь – сплошная работа и ни секунды покоя!

Еще одной проблемой является скука, которая тоже приводит к путанице. Что может быть интереснее охоты на преступников? Конечно же, это самое увлекательное занятие – любой подтвердит. Почему же тогда детективов одолевает смертная тоска? Да потому, что приходится печатать рапорты с

протоколами в трех экземплярах, ходить вперед-назад по городу и допрашивать старушек в домашних платицах в цветочек, долгие часы просиживать в квартирах, пропахших смертью. Ну а сама работа детектива? В ней так мало места творчеству – любая процедура расписана в малейших подробностях, отчего следственные мероприятия начинают напоминать некий ритуал вроде корриды. Привыкаешь даже к перестрелкам в темных переулках, и они начинают навевать скуку, словно официальные запросы в архивный отдел. А скука сбивает с толку. Она идет рука об руку с усталостью, и ты порой не можешь вспомнить, какой сейчас месяц или день недели.

Отвращение овладевает тобой, только если ты сохранил человечность. А это удается далеко не всем полицейским. Но если тебе повезло, то в какой-то момент тебя начинает воротить от того, что способны сотворить другие люди. Ты понимаешь, что можно соврать, – поскольку и сам порой кривишь душой. Без лжи иногда нельзя обойтись – она сильно упрощает жизнь, которая обернулась бы сущим кошмаром, начни все говорить одну правду. Ты понимаешь, что можно украсть, – в детстве сам таскал карандаши из школьной кладовой, а однажды свистнул модельку самолета из магазина игрушек. Ты даже понимаешь, что можно лишиться человека жизни, поскольку где-то там, в потаенных глубинах твоего сердца чернеет ненависть, способная толкнуть на убийство. Да, все это можно понять, и тем не менее тебя обуревают чувство отвращения, когда приходится изо дня в день по долгу службы сталкиваться с этими пороками. Ты постоянно имеешь дело с прирожденными врунами, ворами, грабителями и душегубами. По восемь, по двенадцать, а то и по тридцать шесть часов кряду сидишь в участке или едешь по вызовам. И все это время тебе кажется, что мир позабыл, что такое человечность. Ну один труп, ну два – с этим можно смириться, ведь смерть – неотъемлемая часть жизни. Но если из этих тел образуется целая куча, тебя переполняет чувство отвращения, которое приводит к еще большей путанице. И если ты дошел до такого состояния, что не можешь отличить одно залитое кровью лицо от другого и начинает казаться, что все трупы выглядят одинаково, то тебе уже все едино – апрель на дворе или октябрь.

А на дворе стоял апрель.

Очаровательная женщина была мертва. Она лежала лицом на залитой кровью картине Шагала. Эксперты рассыпали дактилоскопический порошок в надежде, что им удастся снять отпечатки пальцев, пылесосили ковер, рассчитывая обнаружить в пыли волосы или остатки тканей. Они уже убрали в пакет для

дальнейших исследований нож, обнаруженный в коридоре прямо у дверей спальни. Забрали и принадлежавшую убитой плоскую дамскую сумочку, в которой, казалось, нашлось место буквально всему, кроме денег.

Закончив делать записи в блокноте, детектив Стив Карелла вышел из спальни в коридор и направился в соседнюю комнату. Там на стуле сидела девочка. Стул был таким высоким, что ее ноги не доставали до пола. На коленях у малышки лежала кукла. Девочку звали Энни Сакс – это Карелла узнал от патрульного, когда приехал на место преступления. Стивену показалось, что кукла просто гигантских размеров – чуть ли не с саму девочку.

– Привет! – сказал он Энни, и ему стало не по себе.

Карелла устал – он как уехал из дома в четверг утром, так больше там не появлялся. Ему было тоскливо из-за предстоящего допроса со стандартным набором вопросов. А еще он чувствовал себя паскудно, поскольку допрашивать предстояло маленькую девочку, в то время как за стенкой лежал обезображенный труп ее матери. Детектив попытался выдавить из себя улыбку. Получилось у него не очень. Девочка ничего на это не сказала, она лишь таранилась на Кареллу огромными глазами. У Энни были длинные каштановые ресницы, а нос – совсем как у матери. Девчушка поджала губы, стоически решив молчать. При этом она, не моргая, смотрела на Кареллу.

– Тебя ведь Энни зовут, я ничего не путаю? – спросил Карелла.

Девочка кивнула.

– А знаешь, как меня зовут?

– Нет. – Энни чуть качнула головой.

– Стив.

Малышка снова кивнула.

– А у меня дочка есть, – доверительно сообщил ей Стивен. – У меня близняшки. Моим детям примерно столько же лет, сколько и тебе. Вот тебе сколько лет?

- Пять.

- Вот, - удовлетворенно кивнул детектив, - получается, что вы с моей дочкой одного возраста.

- Угу, - отозвалась Энни. Она помолчала, а потом спросила: - Маму убили?

- Да, солнышко, - вздохнул Стивен, - да.

- Я побоялась сходить и посмотреть на нее.

- Ну и правильно, - поддержал ее Карелла, - не надо на такое смотреть.

- Ее ведь убили прошлым вечером? - спросила Энни.

- Да.

В комнате воцарилась тишина.

За стеной слышались приглушенные голоса - полицейский фотограф о чем-то переговаривался с судмедэкспертом. С жужжанием билась о стекло проснувшаяся в апреле муха. Стивен посмотрел на девочку, внимательно следившую за ним.

- Пролым вечером ты была здесь? - спросил он.

- Угу.

- А где именно?

- Прямо тут. В своей комнате. - Девочка погладила куклу по щеке, а потом, поглядев на Кареллу, спросила: - А что такое близняшки?

- Это детки, которые появляются на свет вместе, в одно и то же время.

- А-а-а... - понимающе протянула Энни. Она не сводила взгляда с детектива. Глаза на маленьком бледном личике казались просто огромными. Наконец она решительно сказала: - Это сделал дядя.
- Какой дядя? - чуть сдвинул брови Карелла.
- Который был у нее.
- У кого? - не понял полицейский.
- У мамы. Он был у нее в комнате.
- И что это за дядя? - Стивен подался вперед.
- Не знаю.
- Ты его видела?
- Нет. - Энни помотала головой. - Когда он к нам пришел, я играла с Болтушкой.
- А кто такая Болтушка? Твоя подружка?
- Нет, это моя кукла. - Девочка выставила вперед куклу и хихикнула. Карелле страшно захотелось схватить Энни, прижать к себе и сказать, что все в порядке, мама жива, а острого как бритва ножа и убийцы просто не существует.
- И когда пришел этот дядя? - мягко спросил Карелла. - Ты можешь это вспомнить, солнышко?
- Когда пришел - не знаю. - Девочка пожала плечами. - Я знаю, только когда часы показывают семь и двенадцать, а больше - ничего.
- Хм... На улице уже было темно?
- Да. Он пришел после ужина.

- Дядя пришел к маме после ужина – я тебя правильно понял? – уточнил Карелла.

- Да.

- То есть это был мамин знакомый?

- Ну конечно. Когда он пришел к нам в первый раз, мама все время смеялась и вообще была очень веселой.

- Ясно. – Карелла потер подбородок. – Что случилось после того, как вчера вечером пришел дядя?

- Не знаю, – Энни снова пожала плечами, – я сидела в этой комнате и играла.

Снова повисло молчание.

Слезы навернулись на глаза девочки внезапно, при том что ее лицо совершенно не изменилось. У Энни не дрожали губы, девочка не морщила личико – просто вдруг ее глаза наполнились слезами, которые мгновение спустя заструились по щекам. Девочка сидела неподвижно, словно высеченная из камня, и беззвучно плакала, а Карелла стоял перед ней, понурившись, осознавая беспредельную степень своего бессилия, – он, крепкий, здоровый мужчина, неожиданно оказался совершенно беспомощен перед лицом безутешного горя ребенка.

Он протянул ей платок.

Девочка взяла его, не сказав ни слова, и высморкалась, но слез вытирать не стала.

- Спасибо. – Энни вернула платок детективу, а слезы все струились по ее щекам, и не было им ни конца ни края. – Он бил ее, – наконец сказала девочка, обхватив куклу ручонками, – я слышала, как она плакала, но боялась к ней идти. И я... я заставила себя поверить, что ничего не слышу. А потом... Потом я и правда перестала слышать. Я просто разговаривала с Болтушкой, вот и все. Потому я и не слышала, что он делает с мамой в соседней комнате.

– Я все понял, золотце, – кивнул Карелла и поманил рукой патрульного, стоявшего в дверях. Когда тот подошел, детектив спросил его шепотом: – А где ее отец? Его поставили в известность о случившемся?

– Ну-у... – протянул патрульный, – я даже не знаю. – Он повернулся и заорал на всю квартиру: – Кто-нибудь в курсе – с мужем уже связались?

Следователь из убойного отдела, стоявший рядом с одним из судмедэкспертов, оторвал взгляд от блокнота, который держал в руке, и ответил:

– Муж в Аризоне. Они развелись три года назад.

* * *

Вообще-то лейтенант Питер Бернс слыл человеком терпеливым и понимающим, однако в последнее время Берт Клинг вел себя так, что срывался даже Бернс. Да, в силу того, что Бернс являлся человеком терпеливым и понимающим, он осознавал, чем вызвано поведение Клинга, но это ничего, по существу, не меняло. Работать бок о бок с Клингом становилось все тяжелее и тяжелее. Бернс никогда не отрицал, что психология играет немаловажную роль в полицейской работе. Она помогала понять, что никаких злодеев на свете нет, есть лишь неуравновешенные люди. Объясняла мотивы их поступков, вместо того чтобы огульно осуждать. Таким образом, психология кажется очень полезной в полицейской работе штукой, вплоть до того момента, пока не получаешь ночью удар между ног от какого-нибудь мелкого воришки. После такого сложно объяснить самому себе, что этот воришка – несчастный, обиженный жизнью человек, у которого было тяжелое детство. По сути дела, примерно такие же чувства испытывал Бернс по отношению к Клингу. С одной стороны, он прекрасно понимал, что за психологическая травма стала причиной невыносимого поведения Берта, а с другой стороны, ему все сильнее хотелось избавиться от него, отправив на все четыре стороны.

– Я собираюсь подать рапорт о его переводе, – заявил лейтенант утром Карелле.

– Почему?

– Почему? Потому что он мешает работать всему следственному отделу! – недовольно ответил Питер.

Лейтенанту явно не нравилось говорить на эту тему. Как правило, когда ему предстояло принять непростое решение, он никогда не обращался к другим за советом. Проблема заключалась в том, что сейчас он никак не мог его принять. С одной стороны, ему нравился Клинг, однако в последнее время отношение лейтенанта к нему начало меняться. Изначально Бернс полагал, что из Клинга может получиться толковый детектив, но, похоже, он ошибался. Детектив из Берта выходил хреновый – и каждый день приносил тому новые доказательства.

– У меня и без него тут полно паршивых полицейских, – вслух произнес Бернс.

– Берт не такой уж и плохой полицейский, – возразил Карелла.

Он стоял в угловом кабинете лейтенанта перед заваленным бумагами столом Питера и вслушивался в доносившийся с улицы весенний гам. У Стивена все не шла из головы пятилетняя девочка по имени Энни. Карелла никак не мог забыть, как она, обливаясь слезами, взяла у него носовой платок.

– Дерьмо он, а не полицейский, – отмахнулся Бернс. – Да, хорошо, мне прекрасно известно, что у него случилось. Но люди гибли и раньше. Их убивали и раньше. И если ты мужчина, ты находишь в себе силы смириться с этим и жить дальше, а не винить всех и каждого в произошедшем. Мы не имеем никакого отношения к гибели его девушки. Не имеем, и точка. И лично я уже сыт по горло тем, что он пытается взвалить вину за ее смерть на окружающих. Например, на меня.

– Ни в чем он тебя не винит, Пит, – покачал головой Карелла, – ни тебя, ни нас.

– Дело куда как хуже, – перебил его лейтенант. – Он винит в случившемся весь свет. Сегодня утром он разругался с Мейером, потому что тот снял трубку телефона, стоявшего на его столе. Что тут такого?! Этот сраный телефон надрывается – чего еще делать? Вместо того чтобы идти через весь отдел к своему столу, Мейер взял трубку ближайшего телефона, и так получилось, что он стоял на столе у Клинга. Клинг разорался. Ты представляешь, какая сейчас атмосфера у нас в следственном отделе? Мы же работаем рука об руку, должны помогать друг другу, а у нас что творится? Нет, Стив, мое терпение лопнуло. Буду подавать рапорт о его переводе.

– Для него это будет чудовищный удар, – вздохнул Карелла, – хуже не придумаешь.

– Зато для следственного отдела это станет благом.

– Я так не считаю.

– А тебя никто и не спрашивает! – отрезал Бернс.

– Тогда на черта ты меня позвал?

– Вот видишь? – взвился Бернс. – Видишь, о чем я говорю?! – Он резко встал из-за стола и принялся ходить вперед-назад у забранных сетчатыми решетками окон. Лейтенант был крепко сбитым мужчиной, его движения были скупы. Создавалось впечатление, что он с трудом сдерживает энергию, бурлящую в его мощном теле. Низенький, мускулистый, с крепко посаженной, круглой, слегка седой головой и маленькими голубыми глазками, окруженными сеточкой морщин, он вдруг замер у своего стола и заорал: – Видишь, что происходит? От него одни неприятности! Даже мы с тобой не можем сесть, как люди, и поговорить о нем. Сразу начинаем срываться друг на друга. Вот об этом я и вел речь. Именно поэтому я и хочу от него избавиться.

– Когда у тебя вдруг начинают спешить хорошие часы, которые до этого работали без сбоев, ты их тоже выбрасываешь в мусорное ведро? – осведомился Карелла.

– Вот не надо мне сейчас этих твоих дурацких сравнений, – вспыхнул Бернс, – у меня тут следственный отдел, а не магазин с часами.

– Это было не сравнение, а метафора, – поправил лейтенанта Стивен.

– Без разницы, – отмахнулся тот. – Завтра же позвоню шефу и попрошу, чтобы Клинга перевели. Все, точка.

– Куда перевели? – не понял Карелла.

– Что значит «куда»? – возмутился Бернс. – Мне какое до этого дело? Главное, чтоб ноги его здесь больше не было, а остальное меня не волнует.

– И все же, куда его денут? – прищурился Стив. – Перекинут в другой участок? К незнакомым людям? Он им будет действовать на нервы еще больше, чем нам. Кроме того, он...

– Значит, ты все-таки признаешь, – удовлетворенно кивнул Бернс.

– Что Берт действует на нервы? Естественно, в том числе и мне.

– Причем, Стив, обрати внимание на такую деталь, – лейтенант выставил вперед палец, – с каждым днем он становится все несноснее – надеюсь, это ты не будешь отрицать. Слушай, да зачем я вообще тут перед тобой распинаюсь? Клинг работать в моем отделе больше не будет. Все! – Бернс резко, с чувством кивнул, тяжело опустился в кресло и взглянул на Кареллу с вызовом, совсем порбячески, как упрямый мальчишка.

Карелла тяжело вздохнул. Он заступил на дежурство почти пятьдесят часов назад и сейчас был вымотан до предела. Затянувшаяся смена началась в четверг утром, без пятнадцати девять. Весь день он убил на сбор дополнительной информации по старым делам, которые накопились за март. Ночью поспал часов шесть на раскладушке в раздевалке участка. В пятницу в семь утра его поднял на ноги звонок, поступивший от пожарных: в Саутсайте вспыхнул пожар третьей категории сложности, и борцы с огнем, одолев пламя, решили, что имел место поджог. В участок Стивен вернулся к полудню и обнаружил на своем столе записку. Оказалось, что за время его отсутствия ему звонили четыре раза. Пришлось перезванивать – в частности, помощнику судмедэксперта, который битый час разжевывал Карелле результаты токсикологического анализа яда, обнаруженного в содержимом желудка гончей, седьмой по счету собаки, отравленной за неделю. Когда Стивен со всем этим справился, часы уже показывали половину второго. Детектив попросил одного из коллег, отправлявшегося перекусить, принести ему молока, бутерброд с балыком и картофель фри. Однако спокойно поесть ему не дали – пришлось ехать на Одиннадцатую улицу – оттуда поступил вызов с заявлением об ограблении квартиры. В участок Карелла вернулся только в половине шестого и, посадив отвечать на звонки недовольного Клинга, отправился в раздевалку в надежде немного поспать. В одиннадцать вечера в пятницу весь следственный отдел, разбившись на тройки, отправился в рейд по подпольным игорным домам – этим

детективы занимались последние два месяца. Рейд закончился только к пяти утра следующего дня, субботы. В половине девятого утра Карелле пришлось ехать на очередной вызов – произошло убийство. Именно там, на месте преступления, Стивен был вынужден допросить плачущую девочку – Энни Сакс. Сейчас часы показывали половину одиннадцатого утра. Стивен был вымотан до предела. Ему очень хотелось домой. Меньше всего уставший детектив сейчас был настроен на спор с лейтенантом – да и к чему пытаться выгородить Клинга? К чему его защищать, если все, сказанное Бернсом в его адрес, правда? Карелла с ног валился от усталости. Спорить с Питером желания не было. Перед глазами стояло исполосованное ножом тело красавицы Тинки Сакс – зрелище жуткое, от которого подкатывала дурнота.

– Пусть он поработает в паре со мной, – неожиданно для самого себя вдруг произнес Карелла.

– В каком смысле? – сдвинул брови Бернс.

– Пусть вместе со мной займется расследованием убийства Сакс. В последнее время я работал с Мейером. Дай мне вместо него Берта.

– Это еще зачем? Тебе не нравится Мейер?

– Нет, Мейера я просто обожаю. Слушай, я устал, хочу домой поспать... Пожалуйста, дай мне поработать по этому делу с Бертом.

– Не одобряю я шоковой терапии, – покачал головой Бернс. – Эта женщина... как ее... Сакс... была зверски убита. Ну дам я тебе Клинга в пару, и чего ты этим добьешься? Ты лишь напомнишь ему...

– Терапия, – фыркнул Карелла, – что ты несешь? Я просто хочу быть рядом с ним. Мы будем с ним общаться, и я попытаюсь донести до него мысль, что у нас в следственном отделе еще есть люди, которые считают его приличным, достойным человеком. Хочу, чтоб он понял, что дорог нам. Все, Пит, давай уже заканчивать. Я еле стою на ногах, и у меня, правда, нет сил дальше обсуждать с тобой Клинга. Хочешь перевести его в другой участок – переводи, дело твое. В конце концов, ты у нас начальник, решать тебе. Спорить с тобой я больше не буду. Только определись уже, наконец.

– Он твой, – коротко произнес Бернс.

– Спасибо, – кивнул Карелла и направился к двери. – Спокойной ночи, – промолвил он, прежде чем выйти из кабинета.

II

Порой, когда приступаешь к расследованию дела, тебе начинает казаться, что удача сразу поворачивается к тебе лицом и начинает скалиться во все тридцать два зуба.

Именно такое ощущение не покидало Стива Кареллу и Берта Клинга, когда они взялись за расследование убийства Тинки Сакс. Утром в понедельник они подъехали к дому на Стаффорд-плейс, где располагалась ее квартира, и принялись допрашивать лифтера.

Лифтер оказался стариком под семьдесят. Несмотря на преклонный возраст, он все еще мог похвастаться отменным здоровьем. Осанистый пожилой человек был ростом почти с Кареллу, да и крепостью сложения не сильно отличался от Стивена. Старик был слеп на один глаз, из-за чего его все, включая управдома, величали Циклопом. Именно эта деталь – слепота на один глаз – являлась единственной особенностью, которая могла заставить усомниться в надежности показаний лифтера. Дед пояснил, что потерял глаз на полях сражений Первой мировой – он его лишился в результате штыкового удара, когда немцы пошли в наступление в Арденнском лесу. Циклоп, которого тогда все звали Эрнстом, увернулся от удара, который в результате пришелся по касательной, после чего всадил три пули в грудь немецкого солдата, убив его наповал. Только в медпункте он узнал, что навсегда лишился глаза. Вплоть до этого момента Эрнст считал, что ему штыком распорол бровь, и он не видит из-за того, что лицо залито кровью. Старик гордился своим увечьем и прозвищем. Циклоп в древнегреческой мифологии был настоящим исполином. Росту в Эрнсте было всего метр восемьдесят три, зато он потерял глаз, сражаясь за свободу и демократию, а за такое можно и не только глазом пожертвовать. Зрячий глаз тоже был поводом для гордости – лифтер утверждал, что остротой зрения он не уступает молодым. Внимательный, пристальный взгляд этого голубого глаза со всей очевидностью свидетельствовал и об остроте ума его обладателя.

Внимательно выслушав вопросы детективов, Циклоп с умным видом кивнул и произнес:

- Да, конечно, я его прекрасно помню. Я же сам его доставил наверх.

- Вы утверждаете, что в пятницу вечером лично доставили наверх гостя миссис Сакс? - уточнил Карелла.

- Совершенно верно.

- В котором это было часу?

Циклоп на некоторое время задумался. Пустую глазницу лифтера прикрывала черная повязка, отчего он походил на старого пирата в форме, причем лысого.

- Может, в девять часов вечера, а может, в половине десятого, - наконец ответил Эрнст, - где-то в этом районе.

- И вы же его отвезли вниз, я вас правильно понимаю? - продолжил Стивен.

- Нет.

- Когда у вас заканчивается рабочий день?

- Я не отлучаюсь из здания до восьми утра, - ответил лифтер.

- В таком случае, мистер Месснер, скажите, пожалуйста, с которого до которого часа вы работаете?

- Мы работаем в три смены, - охотно пояснил Циклоп. - Утренняя смена с восьми до четырех часов дня. Потом дневная смена - с четырех дня и до полуночи. Ну а потом и третья, ночная смена, - с полуночи до восьми утра.

- И в какую смену работаете вы? - осведомился Клинг.

- В ночную. Между прочим, вам повезло, что вы меня застали. Мой сменщик придет через десять минут.

- Если вы заступаете на дежурство в полночь, что вы здесь делали в пятницу в девять вечера? - удивленно спросил Карелла.

- Лифтер, работавший в дневную смену, захворал. Ему стало так плохо, что он отпросился с работы. Около восьми мне позвонил управдом и спросил, могу ли я заступить на смену пораньше. Ну а что мне отказываться? Я и пошел ему навстречу. Да, тяжеленькая тогда выдалась у меня ночь, - покачал головой старик.

- Тинке Сакс пришлось еще хуже, - мрачно произнес Клинг.

- Это верно. - Лифтер пожевал губами. - Одним словом, я доставил к ней гостя около девяти - половины десятого. Пока меня не сменили, я его больше не видел.

- А сменили вас в восемь утра, - уточнил Карелла.

- Совершенно верно.

- Вас ничего не удивило? - вдруг спросил Берт.

- В каком смысле? - не понял лифтер.

- К Тинке Сакс часто приходили мужчины в районе девяти - половины десятого вечера, оставаясь у нее до утра?

Циклоп заморгал единственным глазом.

- Знаете что, - опустил он голову, - не нравятся мне разговоры о покойниках...

- Вы знаете, мы сюда, собственно, явились как раз ради того, чтобы говорить о покойниках, - сухо заметил Клинг, - ну и еще о живых, которые их навещали. Я задал четкий, простой вопрос и рассчитываю на аналогичный ответ. Тинка Сакс часто развлекалась с мужчинами всю ночь напролет?

Циклоп снова моргнул:

– Сбавьте обороты, молодой человек, – промолвил он, – а то вы меня сейчас так напугаете, что я побегу от вас в лифте прятаться.

Чтобы разрядить напряжение, Карелла рассмеялся. Эрнст одарил его признательной улыбкой.

– Вот вы, вижу, меня понимаете, – промолвил он Стивену. – То, чем миссис Сакс занималась у себя в квартире, – ее личное дело, и оно никого не должно волновать.

– Само собой, – кивнул Стивен, – просто моего напарника удивило, почему происходящее не показалось вам странным. Вы отвозите к миссис Сакс мужчину, а он так обратно и не появляется.

– А-а... – протянул Циклоп. – Мне показалось, что в этом нет ничего удивительного...

– Наверное, потому, что это случалось достаточно часто, угадал? – спросил Клинг.

– Часто или редко – я говорю не о том, – отмахнулся лифтер. – Я хочу сказать, что если девушке исполнился двадцать один, то она вольна приглашать к себе в квартиру мужчину, а уж сколько там он у нее времени проведет – весь день или всю ночь, – не моего ума дело. Вот так-то, сынок. Ясно?

– Ясно, – бесстрастным голосом произнес Клинг.

– И плевать я хотел, чем они там занимаются в квартире круглые сутки, – это их дело, раз они совершеннолетние. Это вам тоже ясно?

– Ясно, – повторил Клинг.

– Вот и славно, – удовлетворенно кивнул Циклоп.

- По большому счету, - промолвил Карелла, - тот мужчина мог вообще не спускаться в лифте. С тем же успехом он мог выбраться на крышу, а с нее перепрыгнуть на крышу соседнего дома. Я правильно говорю?

- Само собой, - согласился Циклоп. - Я просто что хотел сказать? Чем там ты у себя в квартире занимаешься, сколько ты этим занимаешься - кому до этого какое дело? Чего свой нос в чужие дела совать? Никто на это не имеет права. Хочешь выйти из дома через парадный вход - пожалуйста, через подвал - пожалуйста, желаешь уйти отсюда по крышам - да ради бога! Да хоть в окно выпрыгни - это твое дело. Как только ты закрыл дверь - все, ты на своей территории, и чужакам дальше хода нет. Лично я считаю именно так.

- Правильно считаете, - одобрительно произнес Карелла.

- Спасибо за поддержку.

- Не за что.

- А как выглядел мужчина? - спросил Клинг. - Вам удалось это запомнить?

- Удалось. - Циклоп смерил Берта холодным взглядом и повернулся к Карелле. - У вас есть карандаш и бумага?

- Найдется и то и другое. - Карелла достал из внутреннего кармана блокнот и тонкую золотую ручку. - Я вас внимательно слушаю.

- Он был высоким - где-то под метр девяносто. Блондин. Волосы совершенно прямые - совсем как у Сонни Тафтса, знаете такого?

- Сонни Тафтса? - переспросил Карелла.

- Его самого, - кивнул Эрнст, - это киноактер такой, большая звезда. Тот мужчина был не то чтобы на него похож, но вот волосы - в точности такие, как у Тафтса.

- А глаза у него были какого цвета? - полюбопытствовал Клинг.

- А вот их я не разглядел. Он пришел в темных очках.
- И это при том, что уже стоял вечер?
- Сейчас много кто носит темные очки даже с наступлением темноты, - пожал плечами Циклоп.
- Верно, - согласился Карелла.
- Темные очки сейчас у людей вместо масок, - добавил старик.
- Согласен.
- Одним словом, он был в очках, а его кожу покрывал очень сильный загар, словно он только что приехал откуда-то с юга. Одет он был лишь в легкий плащ... Помните, в пятницу весь вечер моросил дождь?
- Как же, как же, помню, - отозвался Стивен. - У него был зонт?
- Зонта не было.
- Может, вы заметили, какая у него под плащом была одежда?
- Пиджак был темно-серого цвета... Такого угольного оттенка, знаете? - прищурился лифтер. - Про брюки ничего сказать не могу - не разглядел. А вот рубашка была белой. А еще на нем был черный галстук. Плащ оказался расстегнут на несколько пуговиц, вот я и увидел все это.
- А цвет туфель запомнили?
- Туфли - черные, - отозвался Эрнст.
- Какие-нибудь особые приметы? Шрамы, татуировки, родинки?
- Ничего такого.

– Кольца?

– Да-а, – протянул лифтер, – золотое кольцо было. С зеленым таким камешком. Он носил его на мизинце правой... вернее, нет... левой руки.

– Может, вы заметили какие-нибудь еще ювелирные украшения? Запонки? Зажим для галстука?

– Нет, – Циклоп развел руками, – ничего такого я не заметил.

– Он был в шляпе?

– Нет, шляпы не было.

– Он был бритый?

– В каком смысле?

– Усы или борода у него были? – не слишком любезно пояснил Клинг.

– Ах, вот вы о чем... Нет, он был чисто выбрит.

– Сколько, на ваш взгляд, ему было лет?

– В районе сорока.

– А что про телосложение скажете? Плотное? Среднее? Худощавое?

– Мужчина он был здоровый, – со знанием дела произнес лифтер, – причем не толстый, а именно мускулистый. Я бы сказал, что у него плотное телосложение. Руки – большущие, как лопаты. Оттого мне и показалось, что кольцо у него на мизинце очень маленькое. Да, телосложения он был плотного – это я вам скажу совершенно определенно.

– У него что-нибудь было в руках? Чемодан, например, или портфель...

- Нет, ничего не было.

- Он о чем-нибудь с вами разговаривал?

- Нет, - снова покачал головой Эрнст, - он просто назвал номер этажа - вот, собственно, и все. Так и сказал: «Девятый» - и больше ничего.

- И какой у него был голос? Низкий, обычный, высокий?

- Низкий.

Карелла задумался:

- Вы не обратили внимания, может, он говорил с акцентом? - спросил наконец детектив.

- Он же сказал одно-единственное слово, - развел руками лифтер. - Произнес он его как самый обычный житель нашего города.

- Сейчас я произнесу слово «девятый» в нескольких вариантах, - промолвил Стивен. - Я попрошу вас выбрать вариант, наиболее близкий к тому, что вы слышали от гостя миссис Сакс. Вы готовы?

- Я само внимание.

- Дятый.

- Не-а, - отозвался лифтер.

- Девт.

- Снова мимо.

- Детый.

- Опять нет.

- Вятый.

- Нет.

- Девятый.

- А вот теперь похоже, - выставил палец лифтер, - именно так он и сказал, четко и ясно, никаких звуков не глотал.

- Прекрасно, - кивнул Карелла. - Берт, у тебя еще вопросы есть?

- У меня нет, - отозвался Берт.

- Вы очень наблюдательный человек, - похвалил Карелла Циклопа.

- Я весь день вожу людей вверх-вниз в лифте, - пожал плечами Эрнст, - тоска смертная. А как начнешь приглядываться к ним, вроде уже и не так скучно.

- Большое вам спасибо, вы нам очень помогли, - склонил голову Стивен.

- Да не за что, - махнул рукой старик.

* * *

- Старый козел, - прошипел сквозь зубы Клинг, когда детективы вышли на улицу. - Много о себе воображает.

- Он рассказал нам много полезного, - спокойно заметил Карелла.

- Ага.

- Теперь у нас есть подробный словесный портрет убийцы.

- Слишком подробный, если тебе интересно мое мнение, - фыркнул Берт.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Дед одной ногой уже в могиле, и у него один-единственный глаз. А он выдает нам такие детали, которые упустил бы даже внимательный человек. Может, он вообще все придумал – просто из желания показать, что, несмотря на возраст, от него еще есть толк.

– Каждый человек может быть по-своему полезен, – возразил Стив, – и возраст тут совершенно ни при чем.

– Ну да, конечно, – покивал Клинг, – как можно забыть о гуманизме! Он ведь так помогает в расследовании преступлений! Человечность и человечество!

– Чем тебе человечество не угодило?

– Так это ведь его достойный представитель порезал Тинку Сакс на ремни, разве не так? – язвительно осведомился Клинг.

На это Карелла не нашелся что ответить.

* * *

Солидное модельное агентство не ограничивается предоставлением клиентам портфолио. Оно отвечает на телефонные звонки, адресованные девушкам, у которых хлопот полон рот; ищет нянь для красавиц, уже успевших обзавестись детьми; всегда помогает советом работницам, у которых вдруг возникли непредвиденные сложности с мужчинами; предоставляет кров для моделей, которым требуется отдых между двумя фотосессиями или показами мод.

Арт и Лесли Катлер стояли во главе как раз такого солидного модельного агентства. Благодаря их стараниям агентство работало с точностью швейцарских часов. Во многом тут свою роль играл подход к людям, и в этом Арт с Лесли могли сравниться с профессиональным психоаналитиком. Со вкусом обставленный офис агентства состоял из трех комнат, стены которых были отделаны панелями из орехового дерева. Располагался он на Каррингтон-авеню, неподалеку от моста, ведущего в Калмз-пойнт. Табличка на двери с надписью «Каррингтон-авеню, 21» была выполнена в таком стиле, что вполне органично

смотрелась бы на одной из парижских улиц. За дверью скрывалась покрытая синей ковровой дорожкой лестница, которая вела на второй этаж. Там, на втором этаже, посетителя ждала еще одна дверь, украшенная точно такой же табличкой, что и внизу, вот только буквы на ней были строчные. На ней значилось: «Агентство Катлеров».

Карелла с Клингом поднялись на второй этаж, без всякого восторга окинули взглядом табличку, после чего, переступив порог, оказались в небольшом пустом фойе. Там имелся лишь белый стол, резко выделявшийся на фоне обитых деревянными панелями стен. На полу лежал ковер. За столом сидела девушка. От ее красоты захватывало дух. Именно такую секретаршу и полагалось иметь приличному модельному агентству, поскольку у посетителя тут же возникал в голове вопрос: «Если здесь обычные секретарши такие красавицы, то как же тогда выглядят модели?»

– Здравствуйте, джентльмены, чем могу вам помочь? – воркующим голосом спросила она.

Красотка носила очки в толстой черной оправе, которые только подчеркивали красоту ее огромных голубых глаз. Минимум макияжа, придававшего ей невинный вид, едва заметный след бледно-розовой помады на губах, чуть-чуть румян на щеках, черные как смоль волосы и сияющая, как яркое солнце, улыбка. Карелла в свою очередь одарил ее своей фирменной улыбкой, которой он обычно удостаивал знаменитых актрис в особняке губернатора штата.

– Мы из полиции, – пояснил он. – Я детектив Карелла, а это мой напарник, детектив Клинг.

– Я вас слушаю, – промолвила секретарша.

Судя по реакции девушки, появление полиции в агентстве удивило ее до глубины души.

– Нам бы хотелось поговорить с мистером или миссис Катлер, – промолвил Клинг. – Они у себя?

– Да, но вы к ним по какому вопросу? – спросила девушка.

- По поводу убийства Тинки Сакс, - ответил Берт.

- Ах да... - промолвила девушка. - Да-да, конечно. - Она потянулась к кнопке на коммутаторе. Вдруг секретарша застыла, подняла на сыщиков невинные лучистые голубые глаза и произнесла: - Я полагаю, удостоверения у вас с собой есть?

Карелла показал ей полицейский значок. Девушка выжидающе воззрилась на Клинга. Тот тяжело вздохнул, сунув руку в карман, вытащил оттуда кожаное портмоне и раскрыл его, показав закрепленный там значок.

- К нам просто никогда раньше не приходили из полиции, - пояснила девушка и нажала на кнопку коммутатора.

- Да? - раздался голос из динамика.

- Мистер Катлер, вас желают видеть двое детективов - мистер Кинг и мистер Коппола.

- Клинг и Карелла, - поправил Стив.

- Клинг и Капелла, - повторила за ним девушка.

Карелла решил ее больше не поправлять.

- Пригласи их ко мне в кабинет, - отозвался Катлер.

- Слушаюсь, сэр. - Девушка со щелчком отпустила кнопку коммутатора и подняла взгляд на полицейских. - Не соизволите ли пройти? Через бычье стойло, а дальше прямо.

- Через что? - не понял Клинг.

- Через бычье стойло, - повторила девушка. - Ну это наш главный офис, вы как увидите, тут же сами догадаетесь. Он сразу за дверью. - Девушка показала рукой на вроде бы монолитную стену, и тут зазвонил телефон. Красавица взяла трубку: - Агентство Катлеров. Подождите, пожалуйста, секундочку. - Она

нажала на кнопку. – Мистер Катлер, вас на пятьдесят седьмой линии спрашивает Алекс Дженнисон. Вы с ним разговаривать будете? – Выслушав ответ, секретарша кивнула и повесила трубку.

К этому моменту Карелле и Клиngu удалось обнаружить в стене, облицованной панелями из орехового дерева, дверь из орехового дерева, а на ней ручку из точно такого же орехового дерева. Робко улыбнувшись девушке, которая заморгала лучистыми голубыми глазами в ответ, Карелла открыл дверь.

Секретарша не обманула: «бычье стойло» располагалось сразу за приемной. Детективы оказались в просторном помещении, выдержанном, как и приемная, в двух цветах: белом и ореховом. Их гармонию нарушали расцветка занавесок и обивка двух больших диванов, стоявших у окна слева. Занавески были из полупрозрачного темно-оранжевого нейлона, а диваны обиты коричневой тканью, казавшейся грубой по сравнению с нейлоном. На диванах, скрестив длинные ноги, восседали три девушки. Все они читали «Вог». Одна из них одновременно сушила феном волосы. Когда детективы вошли, никто из девушек на них даже не посмотрел. Справа за длинной стойкой из белой огнеупорной пластмассы сидела еще одна женщина, державшая возле уха телефон и что-то быстро писавшая в блокноте. Женщине было чуть за сорок. Судя по ее телосложению и стати, в прошлом она тоже работала моделью. Кинув быстрый взгляд на Кареллу и Клинга, топтавших на пороге, она вернулась к своим делам, будто бы забыв об их существовании.

За спиной этой женщины на стене висели три огромных листа бумаги. Каждый из этих листов был расчерчен на квадратики пять на пять сантиметров, отчего листы напоминали обесцвеченные шахматные доски. Сверху вниз по левому краю каждого из листов устремлялась колонка, состоявшая из маленьких фотографий, а слева направо были расписаны рабочие часы. Каждый график был покрыт листом плексигласа, и справа на шнуре висел черный маркер. С его помощью и заполнялись графики, расписывались фотосессии и показы мод в соответствующих ячейках. Модели было достаточно бросить на схему единственный взгляд, чтобы уяснить свое расписание на неделю. Справа от графиков располагалась полочка для писем, поделенная на ячейки, каждая из которых была украшена аналогичной маленькой фотографией той или иной модели. Чтобы добраться до полочки, следовало зайти за стойку, за которой в данный момент дежурила дама, беседовавшая по телефону. Стена за спинами Кареллы и Клинга была украшена черно-белыми фотографиями всех моделей, интересы которых представляло агентство. Всего детективы насчитали

семьдесят пять фотографий. Ни имен, ни фамилий моделей на фотокарточках указано не было. Вдоль стены на уровне пояса располагался желоб, в котором лежали черные маркеры. Под каждой из фотографий имелась широкая белая полоса, также прикрытая плексигласом, на котором моделям оставляли сообщения. При желании их можно было запросто стереть. Таким образом, модель, оказавшись в «бычьем стойле», могла посмотреть – не оставил ли ей кто-нибудь сообщений под ее фотографией, ждут ли ее весточки в личной ячейке на полочке для писем и какое следующее задание сулит ей один из трех графиков, висящих на стене. Стоило вам окинуть взглядом помещение, как тут же возникало смутное подозрение, что фотографическое искусство играет существенную роль в эффективном функционировании данного агентства. Кроме того, у вас возникало тревожное ощущение, что вы уже раз сто видели все эти лица, глядящие на вас с фотографий, на уличных рекламах и страницах журналов. С другой стороны, казалось, что обозначить какую-либо из фотокарточек табличкой с именем и фамилией будет столь же нелепо, как сопровождать пояснительной надписью изображение всем известного Тадж-Махала или Эйфелевой башни.

Единственная стена без всяких украшений прямо напротив детективов казалась монолитной, совсем как в приемной – ни малейших следов двери – сплошь панели из орехового дерева.

– Кажется, я разглядел дверную ручку, – шепнул Карелла и двинулся через все помещение к стене.

Когда полицейские миновали даму за стойкой, она резко бросила в трубку:

– погоди секундочку, Алекс, – отвела ее в сторону, после чего обратилась к сыщикам: – Чем могу вам помочь?

– Мы ищем кабинет мистера Катлера, – пояснил Карелла.

– Зачем?

– Затем, что мы детективы и нам поручено расследование убийства Тинки Сакс.

– Вот как? Вам прямо, – промолвила женщина. – Меня зовут Лесли Катлер. Как только я закончу разговор, я тут же к вам присоединюсь.

– Спасибо, – кивнул Стивен, направившись к отделанной ореховыми панелями стене.

Клинг неотступно следовал по пятам. Чуть замаявшись, Карелла постучал в то место, где, по его прикидкам, располагалась дверь.

– Войдите, – раздался приглушенный мужской голос.

Арт Катлер оказался сорокалетним блондином, причем волосы у него были прямые, совсем как у Сонни Тафтса. Арт мог похвастаться высоким ростом – в нем было не меньше метра девяноста трех. При этом он не выглядел полным, как раз наоборот, хозяин модельного агентства был человек поджарый и мускулистый. Встав из-за стола, он улыбнулся и протянул руку. Арт был одет в темно-синий костюм.

– Прошу вас, джентльмены, – промолвил он низким голосом.

Арт так и стоял с протянутой для рукопожатия рукой, дожидаясь, когда Карелла и Клинг к нему подойдут. Как выяснилось через мгновение, рукопожатие его было сильным и уверенным.

– Что ж вы стоите? Присаживайтесь, – произнес Катлер, показав на пару стульев в стиле Сааринена[1 - Ээро Сааринен (1910–1961) – американский архитектор и дизайнер мебели финского происхождения.], стоявших слева и справа от его стола. – Вы ведь ко мне пришли по поводу Тинки? – с горестным видом спросил он.

– Именно, – кивнул Карелла.

– Чудовищная история, просто чудовищная, – покачал головой Арт. – И кто такое мог с ней сотворить? Маньяк какой-нибудь, наверное, как вы думаете?

– Пока сложно сказать, – чуть развел руками Стив.

– Да точно маньяк. Ваше мнение? – Катлер повернулся к Берту.

- Не знаю, - ответил Клинг.

- Мы сделаем все, чтобы поймать убийцу, - пообещал Карелла. - Собственно, ради этого мы и пришли к вам. Мы хотим как можно больше узнать о погибшей. Мы исходили из того, что агент может немало знать о людях, интересы которых он представляет, и потому...

- Вы совершенно правы, - перебил его Катлер, - и в случае с Тинкой это особенно верно.

- Это еще почему?

- Мы работали с ней практически с самого начала ее карьеры.

- А конкретней, мистер Катлер? - Карелла заинтересованно посмотрел на собеседника. - Когда началось ваше с ней сотрудничество?

- Минимум лет десять назад. Когда мы ее взяли к себе, Тинке Сакс едва исполнилось девятнадцать, а... секундочку... в феврале ей исполнилось тридцать... Так что, получается, мы проработали с ней почти одиннадцать лет. Да, так точней.

- А какого числа у нее день рождения? - решил уточнить Клинг.

- Третьего, - без запинки ответил Катлер. - До того как она пришла к нам, у нее был кое-какой опыт работы... она успела чуток сниматься... но ничего особо впечатляющего. С нашей помощью она попала во все лучшие журналы: «Вог», «Базар», «Мадемуазель»... Да вы любой возьмите... Вы вообще в курсе, сколько Тинка Сакс зарабатывала в час?

- Нет, и сколько же? - вскинулся Клинг.

- Шестьдесят долларов в день. Рабочий день от восьми до десяти часов. В среднем она работала шесть дней в неделю. В год у нее выходило около ста пятидесяти тысяч долларов. Очень серьезная сумма. - Катлер выдержал паузу. - У нас даже президент страны столько не зарабатывает.

- И при этом не нужно вкалывать в поте лица, - покачал головой Клинг.

- Мистер Катлер, скажите, пожалуйста, когда вы в последний раз видели Тинку Сакс? - спросил Карелла.

- Вечером в прошлую пятницу, - ответил Арт.

- При каких обстоятельствах?

- Значит, так... - Катлер прищурился. - В пять у нее была съемка, а потом она заскочила к нам около семи - узнать, есть ли для нее письма и звонил ли ей кто-нибудь.

- Ну и как? - поинтересовался Берт.

- Что «как»?

- Ей кто-нибудь звонил?

- Даже и не спрашивайте, все равно не вспомню, - махнул рукой Арт. - У нас звонками секретарша занимается. Как звонок поступит, так она сообщение модели и пишет. Вы, наверное, обратили внимание на нашу стену с фотографиями...

- Ага, - кивнул Клинг.

- Одним словом, звонками занимается секретарша. Если хотите - могу у нее спросить, вдруг она какие-нибудь записи сохранила, только я в этом сомневаюсь... Как только запись переносится с бумаги на стену под фотографию, оригинал...

- Что насчет писем? - перебил его Берт.

- Даже и не знаю, получила ли она что-нибудь... Хотя, погодите секундочку... Точно, она вроде что-то забирала. Помнится, я как раз вышел из кабинета, увидел ее, решил поболтать, а она конверты в руках перебирает.

- В котором часу она отсюда ушла? - спросил Карелла.

- Примерно в четверть восьмого.

- И куда она отправилась? На очередную фотосессию?

- Нет, - покачал головой Катлер, - домой. Может, вы не в курсе, но у нее дочь. Пять лет.

- Да, мы в курсе, - коротко произнес Стив.

- Ну так вот, отсюда она отправилась домой, - подытожил Арт.

- Вы знаете, где она живет? - как бы невзначай поинтересовался Клинг.

- Да.

- И где же?

- На Стаффорд-плейс.

- Доводилось там бывать?

- Само собой, - чуть удивленно произнес Катлер.

- На ваш взгляд, сколько понадобится времени, чтобы туда добраться от вашего агентства?

- Не больше пятнадцати минут, - уверенно ответил Арт.

- Получается, что к половине восьмого Тинка уже должна была прийти домой... - задумчиво протянул Стивен. - Если она, конечно, никуда не заходила.

- Да, вроде все верно.

– Если не ошибаюсь, вы ведь сказали, что она сразу пошла домой, так? – прищурился Карелла.

– Так... Хотя нет, погодите... – Катлер сдвинул брови, напрягая память. – Она сказала, что ей нужно заскочить в кондитерскую за тортом, а оттуда она сразу домой.

– За тортом?

– Да. У них на улице роскошная кондитерская – туда за выпечкой и пирожными наведываются многие из наших манекенщиц.

– Она не упоминала о том, зачем ей торт? Может, она сказала вам, что кого-то конкретно ждет в гости вечером? – поинтересовался Клинг.

– Нет, своими планами на вечер она со мной не делилась.

– Скажите, пожалуйста, может, о ее планах на вечер знает секретарша? Ведь именно она принимала телефонные звонки и записывала сообщения.

– Извините, не в курсе, – развел руками Катлер, – но мы можем у нее узнать.

– Да, это было бы прекрасно, – кивнул Стивен.

– А какие у вас были планы на вечер в ту пятницу? А, мистер Катлер? – вдруг произнес Клинг.

– У меня?

– У вас, у вас.

– Вы к чему клоните? – чуть нахмурился хозяин модельного агентства.

– В котором часу вы ушли с работы? – пропустил вопрос мимо ушей Берт.

– А почему, позвольте спросить, вас это так интересует?

- Вы были последний, кто видел Тинку в живых, - охотно пояснил Клинг.

- Ошибаетесь. Последним, кто ее видел в живых, был убийца, - поправил детектива Катлер. - А предпоследней, если верить газетчикам, была ее дочь. Именно поэтому я никак не могу взять в толк, каким образом визит Тинки в мое агентство и мои планы на вечер того дня могут иметь пусть даже самое отдаленное отношение к ее смерти.

- Вполне возможно, мистер Катлер, никакой связи тут и нет, - спокойно проговорил Карелла. - Однако не сомневаюсь, вы прекрасно понимаете, что нам необходимо проверить все версии, даже самые маловероятные.

Катлер нахмурился и бросил на Кареллу неприязненный взгляд, который изначально, скорее всего, уготовил для Клинга. Помолчав несколько мгновений, он ворчливо произнес:

- Мы с женой пошли на ужин с друзьями. В «Ле Труа Ша». - Выдержав паузу, Катлер язвительно пояснил: - Это такой ресторан. Французский.

- В котором это было часу? - деловым тоном поинтересовался Клинг.

- В восемь.

- А где вы были в девять вечера?

- Все еще сидели за столом и ужинали, - отозвался хозяин модельного агентства.

- А в половине десятого?

- Мы ушли из ресторана только в начале одиннадцатого, - со вздохом произнес Катлер.

- И что вы делали дальше?

– Без этого вам что, совсем никак? – Катлер хмуро посмотрел на детективов. Полицейские оставили его вопрос без ответа. Тяжело вздохнув, мужчина ответил: – Потом мы некоторое время гуляли с друзьями по Холл-авеню. Затем мы женой распрощались с ними, взяли такси и поехали домой.

Дверь в кабинет отворилась.

Быстрым шагом вошла Лесли Катлер. Увидев выражение лица мужа и по достоинству оценив тот факт, что присутствующие встретили ее появление гробовым молчанием, тут же спросила:

– В чем дело?

– Расскажи-ка этим джентльменам, куда мы пошли отсюда в пятницу вечером, – попросил ее супруг, – а то они, похоже, в детстве не наигрались в полицейских и воров.

– Ты что, шутишь? – изумилась Лесли и тут же поняла, что муж говорит совершенно серьезно. – Мы пошли ужинать с друзьями, – быстро проговорила она, – с Марж и Даниэлем Ронэ... Марж – одна из наших манекенщиц. А почему это так важно?

– В котором часу вы ушли из ресторана, миссис Катлер?

– В десять.

– Все это время ваш муж был с вами?

– Ну разумеется, а как иначе-то? – Она повернулась к супругу и произнесла: – А они вообще имеют право задавать такие вопросы? Может, нам позвонить Эдди?

– Кто такой Эдди? – тут же спросил Клинг.

– Наш адвокат.

– Он вам без надобности.

- Вы только начали работать детективом? - неожиданно спросил Катлер Клинга.

- Что вы этим хотите сказать?

- Я хочу сказать, что ваши методы ведения допроса оставляют желать лучшего.

- Вот как? - изогнул бровь Клинг. - И что конкретно вас не устраивает, мистер Катлер? Чего мне не хватает?

- Раз уж вы спросили - то искусности и деликатности.

- Смех, да и только, - фыркнул Берт.

- Я рад, что мне удалось вас развеселить.

- Скажите, пожалуйста, - ядовито осведомился Клинг, - а вас обрадует, если я скажу вам, что лифтер дома по адресу Стаффорд-плейс, семьсот девяносто один в подробностях описал гостя, которого он доставил на этаж к Тинке в тот вечер, когда ее убили? Вполне допускаю, что вы обрадуетесь еще больше, когда узнаете, что вы тютелька в тютельку подходите под это описание. Ну как, мистер Катлер? Вас и сейчас переполняет радость?

- В пятницу вечером меня и близко там не было.

- Ну, разумеется, - покивал Берт. - Не сомневаюсь, что вы не будете возражать, если мы вдруг захотим связаться с вашими друзьями, с которыми вы обедали в тот вечер... Просто так, для проверки - пустая формальность.

- Секретарша даст вам их телефонный номер, - холодно процедил Катлер.

- Благодарю.

- У меня скоро обед и деловая встреча. - Катлер посмотрел на часы. - Джентльмены, если вы закончили...

– Я хотел бы расспросить вашу секретаршу о телефонных звонках и сообщениях, которые она передала Тинке, – промолвил Карелла. – Кроме того, я буду крайне признателен за любые сведения о друзьях и знакомых убитой.

– С этим вам поможет моя жена. – Катлер с кислым видом посмотрел на Клинга и добавил: – Из города я уезжать не собираюсь. Вы ведь, если не ошибаюсь, всегда просите подозреваемого воздержаться от поездок?

– Да, никуда не уезжайте из города, – отозвался Клинг.

– Берт, – небрежно промолвил Карелла, – думаю, тебе сейчас лучше вернуться в участок. Гроссман обещал сегодня позвонить и рассказать о результатах лабораторных исследований. Лучше, если на его звонок ответит кто-нибудь из нас двоих.

– Не вопрос. – Клинг встал и направился к выходу. Открыв дверь, он повернулся и произнес: – Мой напарник чуть более искусен, чем я.

С этими словами он удалился.

Ну а Карелла, зная, чем ему сейчас предстоит заняться, коротко вздохнул и, повернувшись к Лесли, произнес:

– Скажите, миссис Катлер, мы сейчас можем поговорить с вашей секретаршей?

III

Когда Карелла спустился по покрытым синим ковром ступенькам и вышел из модельного агентства, часы показывали два часа дня. Визит в агентство практически ничего не дал. Секретарша, широко распахнув глаза и всем своим видом выражая желание помочь, так и не смогла вспомнить содержание телефонных сообщений, оставленных Тинке Сакс в день убийства. Да, все эти звонки были личного характера, причем некоторые от мужчин, но их имена стерлись у нее из памяти. Впрочем, имена женщин, звонивших Тинке, секретарша тоже вспомнить не могла. Да-да, ей звонили и женщины, но вот

сколько их было – секретарша забыла. Зачем Тинка понадобилась хотя бы одному из звонивших, секретарша также оказалась не в состоянии вспомнить.

Поблагодарив ее за помощь, Карелла переключился на Лесли Катлер, которая все еще кипела от возмущения. То, как Клинг обошелся с ее супругом, в буквальном смысле слова вывело женщину из себя. Лесли со Стивеном попытались составить список мужчин, с которыми была знакома Тинка. Первым делом Лесли заявила Карелле, что Тинка, в отличие от остальных манекенщиц в агентстве (к этому моменту слово «манекенщица» уже начало немного раздражать), никого не посвящала в свои сердечные дела. Она никогда не позволяла мужчине, с которым отправлялась на свидание, заезжать за ней в агентство. Тинка ни разу не обсуждала своих мужчин с другими манекенщицами (теперь слово «манекенщица» бесило Кареллу куда сильнее). Сказанное миссис Катлер поначалу насторожило Кареллу. Сперва детектив решил, что Лесли не хочет идти на контакт и делиться ценными сведениями из-за омерзительного поведения Клинга, но по мере того, как он задавал все новые и новые вопросы, у Стивена начало крепнуть убеждение, что миссис Катлер действительно ничего не знает о личной жизни Тинки. Даже в тех немногочисленных случаях, когда Тинка приглашала чету Катлеров поужинать к себе домой, она накрывала стол на троих. В те вечера, кроме Катлеров, к ней никто не приходил, а Энни спала за стенкой в своей комнате. Немного оттаяв – терпеливый Карелла, умеющий расположить к себе собеседника, выигрышно смотрелся на фоне несдержанного Клинга, – Лесли вручила детективу рекламный проспект, посвященный Тинке. Подобные проспекты рассылались фотографам, художественным директорам рекламных агентств и потенциальным клиентам. Карелла взял проспект, поблагодарил миссис Катлер и ушел.

Теперь детектив сидел за чашкой кофе и гамбургером в двух кварталах от участка. Стивен извлек рекламный проспект из конверта и невольно вспомнил, как выглядела Тинка Сакс, когда он видел ее в последний раз. Рекламный проспект представлял собой сложенный вдвое листок с фотографиями Тинки в разных позах.

Карелла внимательно изучил все изображения. Дало это ему немного. Он лишь отметил, что на всех фотографиях Тинка позировала полностью одетой. Ни тебе нижнего белья, ни купальников... Данная особенность показалась детективу хоть и занятной, но при этом вряд ли имеющей отношение к делу. Убрав проспект обратно в конверт, Стивен допил кофе и отправился в участок.

* * *

В участке Кареллу поджидал Клинг. Напарник был мрачнее тучи.

- Что это за фокусы, Стив? - выпалил он, едва завидев Кареллу.

- Взгляни, - промолвил Стивен, - рекламный проспект Тинки Сакс. Вполне можно подшить к делу.

- Плевать я хотел на этот проспект. Может, ответишь на мой вопрос?

- Я бы предпочел этого не делать, - честно признался Карелла. - Гроссман звонил?

- Да. Единственные отпечатки пальцев, которые им пока удалось обнаружить в комнате, принадлежат убитой. До ножа у них еще не дошли руки. Не заговаривай мне зубы, Стив. Я знаю, что я толковый полицейский, и сейчас я очень зол.

- Берт, - вздохнул Карелла, - мне очень не хочется с тобой ругаться. Давай замнем, а?

- Нет.

- Пойми, дело непростое, может быть, нам придется работать над ним очень долго. Вместе работать. Мне очень не хочется начинать расследование с...

- Ага, понял, куда ты клонишь, - перебил его Клинг. - Так вот, запомни, мне очень не нравится, когда мне приказывают убираться в участок только потому, что кому-то не понравился мой стиль ведения допроса.

- Никто тебе не приказывал убираться в участок.

- О чем ты говоришь, Стив? - фыркнул Клинг. - Ты старше меня по званию. Если ты говоришь, что мне надо вернуться в участок, это на самом деле приказ. И мне очень хочется знать, почему ты его отдал.

– Потому что ты вел себя как мудака! – выпалил Карелла. – Такой ответ тебя устраивает?

– Нет. Лично я считаю, что ты не прав.

– В таком случае тебе, наверное, не повредит напрячься и попытаться беспристрастно взглянуть на себя со стороны.

– Черт подери! – Клинг грохнул кулаком по столу. – Ты же сам сказал, что деду-лифтеру можно верить. Мы приходим в агентство и сталкиваемся лицом к лицу с человеком, которого нам только что описал этот старик. Что я, по-твоему, должен был делать? Налить ему чашечку чая?

– Конечно же нет. Надо было с порога обвинить его...

– Никто его ни в чем не обвинял!

– ...в убийстве, – ядовитым тоном продолжил Карелла, – надеть наручники, отвести в участок и оформить задержание честь по чести. Именно так и следовало поступить.

– Все вопросы, что я ему задал, были более чем обоснованны!

– Ты выставил себя заносчивым, самоуверенным дилетантом, – холодно произнес Стив. – Ты с самого начала повел себя враждебно по отношению к нему, так, словно перед тобой сидит преступник. Ты не имел на это никаких оснований. Вместо того чтобы его обезоружить и расположить к себе, ты, наоборот, настроил его против нас. Да я бы на его месте просто из принципа тебе соврал. Возможно, этот человек смог бы нам чем-нибудь помочь, но ты сделал из него врага. Это означает, что, если мне понадобятся еще какие-нибудь сведения о профессиональной деятельности Тинки, мне их придется вымалывать у человека, у которого теперь есть все основания ненавидеть полицейских.

– Да он же подходил под описание, что дал нам лифтер! Любой на моем месте задал бы...

– Хотел его расспросить о том, что Катлер делал в пятницу вечером? – прищурился Карелла. – Ну так и спросил бы! Но по-человечески! Потом пробил бы друзей, с которыми он якобы обедал, и только затем и только лишь выяснив что-нибудь стоящее, ты имел право на него надавить. А так чего ты добился? Ни хрена! Ладно, раз уж ты задал вопрос, зачем я тебя отослал в участок, я тебе отвечу. В этом агентстве мне еще предстояло работать со свидетелями, и я не мог тратить без толку время на тебя. Ты путался у меня под ногами. Вот-вот, и все бы запорол. Поэтому я отправил тебя восвояси. Ясно? Вот и хорошо, раз ясно. Алиби Катлера проверил?

– Да.

– Он действительно ужинал со своими друзьями?

– Да, – снова процедил сквозь зубы Клинг.

– Они действительно вышли из ресторана около десяти, а потом еще и гуляли?

– Да.

– В таком случае Циклоп отвез к Тинке не Катлера, а кого-то другого, – подытожил Стивен.

– Циклоп мог напутать со временем.

– Да, этого исключать нельзя. Этот вариант надо проверить. И вообще, сначала версию проверяешь и только потом начинаешь разбрасываться обвинениями.

– Да никого я ни в чем не обвинял! – возмутился Клинг.

– Да буквально все твое отношение к Катлеру говорило именно об этом! – воскликнул Карелла. – Кем ты себя возомнил? Гестаповцем? Решил, что можешь врываться к человеку в кабинет, не имея никаких доказательств, и на одних лишь подозрениях...

– Я старался, как мог! – рявкнул Берт. – Если тебе этого мало, можешь проваливать к чертовой матери!

- Да, мне этого мало, - отозвался Карелла, - но к чертовой матери я пока проваливать не собираюсь.

- Поговорю с Питом, - решительно промолвил Клинг, - пусть даст мне какое-нибудь другое дело.

- Он не станет этого делать.

- Это еще почему? - воззрился Берт на коллегу.

- Ты сам уже сказал, что я старше тебя по званию. И я хочу, чтобы ты расследовал убийство Тинки вместе со мной.

- Тогда хочу тебя предупредить по-хорошему, - набычился Берт. - Даже не пытайся еще раз выкинуть то, что ты сегодня устроил в агентстве. Если ты еще раз выставишь меня ослом перед гражданским лицом...

- Если бы ты удосужился хотя бы чуть-чуть пошевелить мозгами, то сам бы понял, что ведешь себя, как осел, задолго до того, как я спровадил тебя в участок.

- Слушай, Карелла...

- А-а... ты уже называешь меня по фамилии? - хмыкнул Стивен.

- Я сносить всякую гнусь от тебя не буду - заруби это на носу. Плевать я хотел, что там написано у тебя в удостоверении. Будешь вести себя со мной по-скотски - я этого терпеть не стану. Я тебе этого не позволю...

- И другим тоже, - закончил за напарника Карелла.

- Да, и другим тоже, - кивнул Берт.

- Хорошо, постараюсь этого не забывать.

- Ты уж постарайся. - С этими словами Клинг встал и, хлопнув дверью, отделявшей следственный отдел от коридора, вышел вон.

Карелла сжал кулаки, разжал их, после чего от всей души хлопнул ладонью по столу.

В этот момент из туалета в коридор вышел детектив Мейер, на ходу застегивавший ширинку. Склонив голову, он прислушался, как пышущий злобой Клинг грохочет ботинками, спускаясь по металлической лестнице, что вела на первый этаж участка. Когда Мейер вошел в следственный отдел, он увидел Кареллу, который, чуть наклонившись, стоял, упершись руками о стол с мрачным, каменным выражением лица.

- Что за шум, а драки нет? - поинтересовался Мейер.

- Так, ничего, - отозвался Стивен.

Он буквально кипел от ярости. Его слова полоснули, словно острый как бритва клинок.

- Опять Клинг? - понимающе произнес Мейер.

- Опять Клинг, - эхом отозвался Стив.

- Ну, дела, - покачал головой Мейер и больше ничего не сказал.

* * *

Тем же днем, ближе к вечеру, Карелла по дороге домой еще раз отправился на место преступления. Показав удостоверение патрульному, который по-прежнему дежурил у дверей квартиры, детектив вошел внутрь. Ему хотелось еще раз все хорошенько осмотреть - вдруг ему в руки попадет какая-нибудь ниточка, хоть что-нибудь, способное поведать ему о мужчинах, с которыми Тинка водила знакомство. Вдруг ему улыбнется удача, и он отыщет письма, дневник или, скажем, записную книжку? Квартира стояла пустой. Не доносилось ни звука. Дочку убитой Энни Сакс еще в субботу передали сиротскому приюту, откуда ее взял на попечение адвокат Тинки по имени Харви Сэдлер. Девочка поживет у

него, пока из Аризоны не приедет ее отец. Карелла двинулся по коридору мимо комнаты Энни. Тем же маршрутом наверняка шел и убийца. Кинув взгляд в комнату девочки, Карелла увидел ряды кукол, сидевших на книжных полках. Следующей за детской шла просторная спальня Тинки. На кровати остался лишь матрас – залитое кровью постельное белье с одеялом забрали в лабораторию судмедэксперты. Туда же, в ведомство Гроссмана, отправились перемазанные кровью занавески. Теперь окна стояли голыми. Из них открывался вид на раскинувшиеся внизу крыши и реку Дикс, по которой медленно проходили суда. Карелла щелкнул выключателем. Вспыхнул свет. Детектив подошел к очерченному мелом силуэту – совсем недавно тут на ковре лежало тело Тинки. Кровь, что пропитала ковер, уже высохла, отчего пятно приобрело отвратительный коричневый цвет. Стивен подошел к овальному столику у стены напротив кровати. Похоже, он служил Тинке письменным столом. На нем в беспорядке лежали бумаги. Детектив опустил в вращающееся кресло и принялся в них копаться. Судя по царившему на столе хаосу, в бумагах уже успели порыться следователи из убойного отдела. По всей вероятности, ничего достойного внимания они так и не нашли. Тяжело вздохнув, Карелла взял в руки конверт со штемпелем авиапочты и, прищурившись, глянул на адрес отправителя. Им оказался Дэннис Сакс, бывший муж Тинки. Письмо он послал из Рейнфилда, штат Аризона. Карелла вытащил из конверта листок, развернул его и погрузился в чтение:

6 апреля, вторник.

Здравствуй, моя милая Тинка!

Я пишу тебе это письмо, находясь прямо посреди пустыни, при мерцающем свете керосиновой лампы. Аккомпанементом мне служит стонущий ветер, что надрывается за полотняными стенками моей палатки. Остальные члены нашей экспедиции давно уже спят. Никогда прежде я не ощущал себя столь безнадежно оторванным от шумного города и от тебя.

С каждым днем меня все сильнее выводит из себя проект Оливера, над которым мы в данный момент работаем. Впрочем, мне легко удастся себя сдерживать – и это лишь потому, что мне прекрасно известно, что приходится испытывать сейчас тебе. Только в силу этой причины все остальное кажется мне мелким и

незначительным, меркнувшим по сравнению с твоей мужественной борьбой. Ну кого волнует ответ на вопрос: действительно ли хохокамы пересекали пустыню на своем пути из Древней Мексики? Кому какое дело: отыщем ли мы тут их следы или нет? Единственное, в чем я ни на миг не сомневаюсь, так это в том, что мне сейчас ужасно тебя не хватает, что я с беспредельным уважением отношусь к тебе и молю Всевышнего, чтобы он ниспослал тебе успех в твоём начинании. Сейчас я лишь тешу себя надеждой, чтобы все твои муки скоро закончились и наши отношения опять стали такими, какими они были с самого начала, до того, как начался весь этот кошмар, погубивший нашу любовь. Я позвоню тебе в субботу. Прими заверения в самой искренней любви к Энни... и к тебе.

Дэннис

Карелла аккуратно сложил листок и убрал его обратно в конверт. Итак, теперь он знает, что Дэннис Сакс работал в пустыне в рамках исследовательского проекта по изучению хохокамов. Интересно, кто они, черт подери, такие? Впрочем, это не так уж и важно. Куда существеннее тот факт, что Дэннис со всей очевидностью все еще испытывает более чем теплые чувства к своей бывшей жене. Так, на что еще следует обратить внимание? Дэннис пишет о какой-то «мужественной борьбе», что ведет Тинка, и «муках», которые она испытывает. Какая еще борьба? Что за муки? Карелла нахмурился. И что Дэннис имел в виду, упомянув о кошмаре, погубившем их любовь? Или же под кошмаром он имел в виду «мужественную борьбу» и «муки», а вовсе не события, им предшествовавшие? Сегодня утром работники детского приюта позвонили Дэннису Саксу в Аризону. Вероятно, он уже едет сюда, на восток. Интересно, понимает ли Дэннис, что по приезде ему придется ответить на целую кучу вопросов?

Карелла сунул письмо в карман пиджака и принялся дальше перебирать лежавшие на столе бумаги. Счета за телефон и электричество, чеки из ресторанов и практически всех крупных универмагов города... Отыскалось письмо от женщины, которая раньше приходила к Тинке делать уборку. Женщина извещала Тинку, что больше не может у нее работать, потому что возвращается вместе со всей семьей на Ямайку. Нашлось письмо от редакторши одного из журналов мод. Редакторша делилась своими планами устроить летом съемку новой коллекции платьев, на которую собиралась пригласить Тинку и еще несколько манекенщиц, и хотела уточнить, сможет ли Тинка принять

участие в фотосессии или нет. Карелла с интересом прочел оба письма и аккуратно положил одно на другое на краю стола. Почти сразу же после этого он наткнулся на записную книжку убитой.

Маленькая книжица в обложке из красной кожи оказалась вся исписанной фамилиями, именами, адресами и телефонными номерами. Некоторые из имен были мужскими. Карелла пролистал книжку, страницу за страницей, внимательно просматривая эти имена. Некоторые оказались вполне себе банальными – тут же обнаружилась масса Джорджей, Фрэнков и Чарли. Встречались и более редкие – типа Клайда и Адриана. Нашлось место и настоящей экзотике вроде Райана, Динка и Фрица. Ни одно из этих имен ничего Карелле не говорило. Карелла закрыл записную книжку, убрал ее в карман пиджака. Вскоре он закончил разбирать бумаги. Больше ничего интересного обнаружить не удалось – разве что незаконченное стихотворение, написанное рукой Тинки.

Когда меня вопрос терзает: кто есть я?

Кем быть бы я могла? Кем стать?

Меня бьет дрожь от страха...

Приходит ночь и ужас вместе с ней,

Как тяжело день прожить и ждать заката,

Не думая о чудищах, что ждут

Меня, во мраке грозно затаившись,

Но отчего ж они...

Карелла аккуратно сложил листок с недописанным стихотворением и убрал его в карман пиджака, туда, где уже лежала записная книжка Тинки. Затем он встал, подошел к двери, окинул комнату прощальным взглядом и выключил свет. Переступив порог, он направился по коридору к выходу. Последние лучи заката проникали сквозь окно в комнату Энни, заливая призрачным неверным светом лица кукол, сидевших рядами на книжных полках. Карелла зашел в детскую и осторожно взял одну из кукол с верхней полки. Подержав игрушку в руках, он усадил ее на место, и тут его взгляд упал на другую куклу – ту самую, которую Энни держала в руках, когда он беседовал с девочкой в прошлую

субботу. С задумчивым видом Карелла снял куклу с полки.

* * *

Патрульный, дежуривший у двери, был ошеломлен донельзя, когда из квартиры Тинки вдруг пулей вылетел детектив. Как это ни странно, сыщик, взрослый вроде бы человек, сжимал в руке куклу. Влетев в лифт и нажав на кнопку, Карелла принялся лихорадочно листать записную книжку Тинки. Отыскав, что нужно, Стивен задумался. Как лучше поступить? Позвонить в участок и предупредить, куда он направляется? Может, вызвать Клинга – пусть он поможет с задержанием. Тут он вспомнил, что Берта в участке нет – он ушел раньше. У Стивена снова перехватило горло от гнева. «Ладно, черт с ним, с Клингом, обойдусь без него», – подумал он. Детектив бегом выскочил на улицу и кинулся к своей машине. Мысли путались, беспорядочно роясь у него в голове. Какая жестокость! Какая зверская жестокость! Что делать? Провести задержание в одиночку? Боже Всемогущий, девочка сидела и слушала, как убивают ее мать! Может, все-таки лучше сначала метнуться в участок, взять с собой Мейера? А что, если, пока я буду в разъездах, убийца пустится в бега? Черт подери, ну почему Клинг все никак не может взять себя в руки? Боже, Тинку буквально искромсали ножом! Карелла завел машину. Кукла лежала рядом с ним на пассажирском сиденье. Детектив снова глянул на имя и адрес в записной книжке Тинки. Ну так как же поступить? Обратиться за помощью или все сделать самому?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Ээро Сааринен (1910–1961) – американский архитектор и дизайнер мебели финского происхождения.

Купить: https://telnovel.me/makbeyn_ed/kukla

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)